

ИСТОРИЯ НАУКИ

2002 г., ЭО, № 6

Ф. Боас

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ*

1. [23] Я был приглашен, чтобы рассказать об истории антропологии. Задача, на меня возложенная, столь обширна, а время, которым я располагаю, столь кратко, что оценить по достоинству работу умов, которые сделали антропологию тем, чем она является, будет невозможно. Было бы тщетным характеризовать работу даже самых величайших среди тех, кто внес вклад в нашу науку. Все, что я смогу предпринять, так это обсудить общие условия развития научной мысли, давшей начало антропологии.

2. Рассматривая с такой точки зрения мою задачу, вы простите меня за то, что я сразу не сделал попытку определить, чем антропология должна быть, и с какими предметами она должна иметь дело, и скорее поймете мое замечание, что она такая, какая она есть, и то, как она развивалась.

3. Прежде чем погрузиться в свой предмет, скажу, что спекулятивная антропология восемнадцатого и ранних лет девятнадцатого столетия отлична в своих идеях и методе от науки, которая в настоящее время называется «антропологией», а посему эта первая не включена в наше обсуждение.

4. Сами же антропологи занимаются в настоящее время проблемами, относящимися к физической и духовной жизни человечества, находя их в различных формах общества, от самых ранних времен вплоть до современного периода и во всех частях мира. Их исследования связаны как с формами и функциями тела, так и со всякого рода проявлениями духовной жизни. Соответственно, предмет антропологии суть частично ветвь биологии, частично ветвь гуманитарных наук. Из духовных феноменов особое внимание привлекли язык, изобретательность, искусство, религия, социальная организация и закон. Среди антропологов нашего времени [24], в соответствии с данным здесь делением, мы обнаруживаем значительную степень специализации в предмете исследований.

5. Как и в других науках, действительный предмет коих – определение явлений и причинно-следственных связей между ними, в антропологии мы находим два отдельных метода изучения и цели исследования: один – исторический, который стремится реконструировать действительную историю человечества; другой – генерализующий, который пытается установить законы его развития. Тот или иной метод, согласно личным наклонностям ученого, может превалировать в его исследованиях. Среди того, что может быть названо «исторической школой антропологов», также имеет место значительная степень географической и исторической специализации. Одни тратят свою энергию на объяснение самой ранней истории человечества, в то время как другие изучают обитателей удаленных регионов, а третьи – сохраняющиеся среди нас пережитки более ранних времен.

6. Условия, очерченные таким образом, – результат длительного развития, начало

* *Boas F. The History of Anthropology // Congress of Arts and Science / Ed. H.J. Rogers. 8 vols. Boston, Vol. 5. 1906. P. 468–482. Опубликовано также в: Science. Vol. 20. (1904). P. 513–524. Перевод осуществлен по: A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911 / Ed. by George W. Stocking, Jr. Chicago; London, 1974. Midway Reprint Edition, 1989. P. 23–36. Нумерация абзацев слева наша, в квадратных скобках в тексте указаны страницы оригинала.*

которого можно отчетливо наблюдать в течение второй половины восемнадцатого столетия. Но интерес к обычаям и внешности обитателей отдаленных земель возник, конечно, гораздо раньше. Описания Геродота показывают, что даже среди народов древности, несмотря на эгоцентризм их цивилизации, не было недостатка в таком интересе. В средние века путешественники возбуждали любопытство современников рассказами о своих похождениях. Литература испанской конкисты в Америке изобилует замечаниями об обычаях коренного населения Нового Света. Но едва ли имеется какое-нибудь мыслимое основание для того, чтобы делать эти наблюдения предметом научного обсуждения. Они были и остаются курьезностями. Основы антропологии были заложены только тогда, когда предметом научного изыскания стало отношение к нашей собственной цивилизации. Зародыши антропологии можно найти в ранних соображениях теологов, касающихся отношений между языческими религиями и откровениями христианства. Так был подготовлен вывод о том, что более примитивные формы культуры, в частности религии, соответствуют вырождению, отпадению от истины откровения, следы которого должны быть найдены в примитивных верованиях.

7. Во второй половине восемнадцатого века у рационалистов, предшественников Французской революции мы находим хорошо сформулированным фундаментальный концепт антропологии. Глубокое убеждение в том, что политическое и социальное неравенство – результат ошибочного развития цивилизации и что первоначально все люди были рождены равными, привело Руссо к наивной посылке об идеальном естественном государстве, которое нам следует попробовать восстановить. Эти идеи разделялись многими, и соотнесение культуры примитивного человека с нашей цивилизацией продолжало быть темой для дискуссии. К данному периоду принадлежат «Ideen zur Geschichte der Menschheit» Гердера, в которых, может быть, впервые отчетливо выразилась фундаментальная мысль о развитии культуры человечества как единого целого.

8. Примерно тогда же Кук совершил свои памятные путешествия, и [25] Европа впервые познакомилась с культурой племен тихоокеанских островов. Его наблюдения и описания Форстера были с усердием восприняты учеными и широко использовались ими в поддержку своих теорий. Тем не менее даже лучшие пробы этого периода, в сущности, спекулятивны и основаны на дедукции, поскольку строгий индуктивный метод едва ли проник во владения естественных наук и почти не затронул гуманитарные.

9. С самого начала изучение духовной жизни человечества в целом носило, бесспорно, исторический характер, в то время как познание эволюции цивилизации признавалось лишь его окончательной целью, так что биологическая сторона антропологии развивалась совершенно отличным путем. Эта последняя обязана своим происхождением великим зоологам восемнадцатого века, основные усилия которых, в согласии с общими стремлениями того времени к систематике, были направлены на классификацию человеческих рас и открытие таких признаков, с помощью которых расы могли бы быть описаны как разнообразные варианты одного вида или как различные виды. Существовало много попыток классификаций, но новый взгляд еще так и не обозначился.

10. В девятнадцатом столетии был сделан определенный шаг, сближающий эти два направления, и он может быть проиллюстрирован работой Клемма. Классификационный подход совместили с историческим, подойдя к дискуссии об умственных различиях между зоологическими вариациями или расами людей и к вопросу о полигенезе и моногенезе. Страсти, порожденные отношением к рабству, в практическом и этическом аспектах в значительной степени сконцентрировали внимание на этой фазе антропологической проблемы.

11. Как утверждалось выше, большинство антропологических данных собиралось путешественниками, основной целью которых были географические открытия. По этой причине собранный материал рано привлек внимание географов, которые

смотрели на него со своей точки зрения. Для них первостепенную важность имели отношения между человеком и природой, и их внимание направлялось на психологические вопросы меньше, чем на вопросы, связанные с зависимостью формы культуры от географического окружения и с контролем человека над природными условиями, приобретенным в ходе развития цивилизации.

12. Итак, примерно в середине девятнадцатого века мы обнаруживаем начала антропологии, проистекающие сразу из трех источников: исторического, классификационного и географического. Приблизительно в это время исторический аспект в изучении феноменов природы занял умы исследователей всех областей науки. Начиная с биологии и в основном под сильным влиянием Дарвина он постепенно революционизировал методы естественной и гуманитарной наук в целом и привел к новому формулированию их проблем. Идея того, что явления настоящего развились из предшествующих форм, с которыми они генетически связаны и которые определяют их, потрясла основы [26] старых принципов классификации и соединила воедино группы фактов, которые до сих пор казались несвязанными. Исторический взгляд на естественные науки, однажды ясно провозглашенный, был неопровержимо доказан, и старые проблемы исчезли раньше новых попыток открыть историю эволюции. С самого начала обозначилась отчетливая тенденция сочетать с историческим подходом субъективную оценку различных фаз развития и рассматривать нынешнее существование как эталон для сравнения. Неоднократно наблюдаемое изменение от простых форм к более сложным, от единообразия к множественности было интерпретировано как изменение от менее ценного к более ценному, и так исторический взгляд приобрел во многих случаях плохо скрываемый телеологический оттенок. Великая картина природы, в которой вселенная впервые предстала как единство вечно меняющихся формы и цвета, где любое мгновение определено прошлым и в свою очередь определяет грядущие изменения, до сих пор затемнена субъективным элементом – эмоциональным в своих истоках, заставляющим нас приписывать высочайшую ценность тому, что близко и дорого нам.

13. Кроме того, новый исторический взгляд вступил в конфликт с генерализующим методом науки. Навязывался тот более старый взгляд на природу, в котором открытие общих законов рассматривалось как конечная цель исследования. Согласно ему, законы могут быть подтверждены событиями частного характера, которые, однако, теряют свой специфический интерес, когда эти законы уже открыты. Реальный случай обладает научной ценностью не сам по себе, а лишь поскольку он ведет к открытию общих законов. Конечно, данный взгляд в основе своей противоположен настоящему историческому. В этом последнем законы природы признаются в каждом конкретном событии, и главный интерес сфокусирован на событии как на происшествии в картине мира. Точно так же исторический взгляд содержит сильный эстетический элемент, который находит свое выражение в концепции индивидуального (конкретного) события. Легко понять, что комбинация этих двух точек зрения привела к подчинению исторического факта концептам закона природы. В самом деле, мы видим, что все науки, которые избрали исторический взгляд, сразу же устремились открывать законы, согласно которым имела место эволюция. Регулярность в процессах эволюции превратилась в центр притяжения даже раньше, чем эти процессы стали наблюдаться и были осознаны. Все науки в одинаковой мере повинны в преувеличении значения эволюционных теорий, основанных на наблюдаемых гомологиях и предполагаемых сходствах. Теории должны были проверяться снова и снова, поскольку даже слабый прогресс в эмпирическом знании об эволюции уже выявлял их ошибочность.

14. Антропология также чувствовала оживляющий импульс исторического взгляда, и ее развитие следовало теми же путями, которые могли быть наблюдаемы в истории других наук. Единство цивилизации и примитивной культуры, которое предугадал Гердер, сейчас со всей определенностью замаячило впереди. Множественность и многообразие курьезных обычаев и верований стали представляться в качестве ранних шагов эволюции цивилизации от простых [27] форм культуры. Поразительное сход-

ство между обычаями в удаленных районах послужило доказательством того, что цивилизация во всем мире развивалась единообразным способом. Законы, согласно которым это единообразное развитие культуры могло быть возможным, стали новой проблемой, завладевшей вниманием антропологов.

15. Это и есть источник, из которого родились претенциозная система Герберта Спенсера и остроумные теории Эдварда Бернетта Тайлора. Мысль, лежащая в основе многочисленных попыток систематизировать всю иерархию социальных феноменов, или ту или иную из их черт, таких как религиозные верования, социальная организация, формы брака, покоится на вере в то, что может быть найдена одна определенная система, согласно которой развилась вся культура; что есть один тип эволюции от примитивной формы к высочайшей цивилизации, который приложим ко всему человечеству, несмотря на многочисленные вариации вследствие локальных и исторических условий, и что этот общий тип эволюции везде один и тот же.

16. Данная теория наиболее отчетливо разработана Тайлором, который повсюду в мире находит доказательства для нее в сходстве обычаев и верований. Типологическое сходство и распространение отдельных обычаев в определенных комбинациях объяснялись им как следствие принадлежности последних к определенной стадии развития цивилизации. Они не исчезают моментально, но сохраняются какое-то время в виде пережитков. И, следовательно, где бы они ни появлялись, это будет доказательством (существования) той более низкой стадии культуры, для которой эти обычаи были характерны и от которой произошли.

17. Антропология весьма обязана своим существованием стимулу, заданному этими учеными, и выводам, возвращенным ими. Что было хаосом факта, теперь, казалось, маршировало в строевом порядке, и великие шаги в слабом продвижении от дикости к цивилизации в первый раз нарисованы были твердой рукой. Невозможно переоценить влияние смелых обобщений, сделанных этими пионерами современной антропологии. С решительностью и непоколебимым мужеством они применили новые принципы исторической эволюции ко всем феноменам цивилизованной жизни, и на этом поприще посеяли семена антропологического духа в умах историков и философов. Антропология, которая едва оформилась, как наука, уже перестала быть просто наукой, но стала методом, применимым ко всем гуманитарным наукам и необходимым всем им. Мы уже в середине этого процесса. Первыми, кто почувствовал влияние антропологической мысли, были науки о законах и религии. Но это произошло незадолго до того, как этика, эстетика, литература и философия также стали хоть и частично готовыми принять эволюционную точку зрения, дарованную им ранними антропологами.

18. Обобщающий взгляд на эволюцию культуры во всех этих различных фазах – суть конечный результат данного метода – может быть подвергнут дальнейшему анализу в виде рассмотрения психических причин, которые вызывают регулярную последовательность смены стадий культуры. Будучи обязанным абстрактной форме результатов, этот анализ должен был быть дедуктивным. Он не может быть индукцией [28] на основе эмпирических психологических данных. В этом заложена одна из слабостей метода, которая часто уже приводила многих антропологов к различным заключениям. В частности я хочу упомянуть здесь Адольфа Бастиана и Георга Герланда. Оба они находились под впечатлением от сходства во всем свете фундаментальных черт культуры. Бастиан видел в этом сходстве отражение единства человеческого мышления, и определял эти фундаментальные черты как *Elementargedanken*, отказываясь рассматривать их происхождение до тех пор, пока индуктивное решение данной проблемы невозможно. Для него существенная проблема антропологии – открытие элементарных идей и дальше поиски в области их модификация под влиянием географической среды. Взгляды Герланда согласуются с бастиановскими в подчеркивании влияния географической среды на формы культуры. Но вместо мистической элементарной идеи Бастиана Герланд придерживается мнения, что сходные элементы, обнаруженные во многих удаленных частях мира, есть общее наследие ранней стадии культурного развития. Можно заметить, что у обоих система эволюции

играет лишь второстепенную роль, а основной упор делается на причины, которые вызывают модификации фундаментальных и идентичных черт. Есть определенная близость между этим направлением в антропологии и старой географической школой. Здесь психические и природные отношения все еще ответственны за индуктивную трактовку, в то время как фундаментальные гипотезы исключают происхождение общих черт из дальнейшего разыскания.

19. Субъективная оценка, характерная для большинства эволюционных систем, проявилась уже в самом начале и была унаследована от эволюционной антропологии. Естественно, что в таких условиях наша собственная цивилизация должна была стать стандартом для изучения истории культуры, и что достижения других времен и других рас должны были измеряться собственными нашими достижениями. Есть ли более трудные случаи преодоления Kulturbrille, если употреблять подходящий для этого термин фон ден Штайнена, чем при рассмотрении нашей собственной культуры. По этой причине попыток определить число стадий культуры, идущих от простых форм к современной цивилизации, от дикости через варварство к цивилизации, или от принимаемой на веру пре-дикости через те же стадии к просвещению, в антропологической литературе встречается весьма много.

20. Стремления сконструировать схематическую линейную эволюцию естественным образом возвращают нас к новым попыткам классификации, в которой каждая группа должна обладать генетическими связями с другой. Такие попытки предпринимались с обеих сторон – культурной и биологической (классификаций).

21. Необходимо сказать здесь и еще об одной линии антропологического исследования, которую мы до сих пор не принимали во внимание. Я имею в виду лингвистический метод. Проблема происхождения языка, носящая прямую антропологическую нагрузку, учитывая ее отношение к развитию культуры, была одной из часто обсуждаемых тем девятнадцатого века. Глубокие связи между языком и этнической психологией никем не раскрывались более ясно, чем Штайнталем, постигшим, что мысль суть форма, отлитая всей [29] социальной средой, частью которой является язык. Будучи обязанной быстрому изменению языка в реальности, историческая трактовка лингвистической проблемы развилась задолго до того, как исторический аспект осознали в естественных науках. Генетическое родство языков уже, несомненно, признавалось, когда генетическое родство видов едва еще только начинало осмысляться. По мере роста знаний о языках, эти последние стали группировать в зависимости от общего языка-предка, и когда более далекое родство невозможно было доказать, пытались выдвинуть классификацию в соответствии с морфологией. Для лингвиста, чье внимание целиком направлено на изучение выражения мысли при помощи языка, язык есть индивидуальность народа, и вследствие этого классификация языков должна представляться ему классификацией народов. Никакое другое проявление духовной жизни человека не может быть классифицировано так скрупулезно и определено как язык. Ни в чем генетические отношения не устанавливаются более отчетливо. Только тогда, когда уже совсем невозможно определить генетическое и морфологическое родство, заставляющее лингвиста сопоставлять языки, не может быть получен и ключ, соответствующий их родству и происхождению. Не вызывает удивления поэтому, что данный метод применялся, чтобы классифицировать человечество, хотя в реальности лингвист классифицировал только языки. Сравнительно с результатами биологической и культурной классификаций, эта классификация, по причине ее ясности, оказалась в высшей степени удовлетворительной.

22. В то же время ресурсы биологической или соматической антропологии как метода также развивались и для исследователя стало возможным более точно, чем он мог сделать это раньше, определить различия между человеческими группами. Достопримечательностью развития этого ответвления антропологии было введение метрического метода, который своим возникновением обязан прежде всего Кетле. Немного позже мы должны будем обратиться к этому предмету снова. Но в настоящий момент достаточно будет сказать, что более четкое определение терминов «тип» и «измен-

чивость» вплотную подвело к применению статистического метода, при помощи которого уже могли удовлетворительно фиксировать сравнительно тонкие различия. Благодаря применению этого метода вскоре стало очевидным, что человеческие расы можно подразделять на типы, которые характерны для определенных географических ареалов и населяющих их людей. Но и это тоже было неправильно истолковано, подобно тому, что мы только что обнаружили у лингвистов. Как те идентифицировали язык и народ, так и анатомы стали идентифицировать соматический тип и народ, и основывать свои классификации народов целиком на соматических характеристиках последних.

23. Оба обнаруженных принципа, столкнувшись, быстро выявили противоречия. Были найдены народы, связанные языковым родством, или даже одинаковые по языку, но различающиеся по типу, а народы, для которых постулировался один и тот же тип, зачастую различались по языку. В дальнейшем выяснилось, что результаты классификации по культурным группам не соответствует оным ни лингвистической, ни соматической классификации. В длинных и ожесточенных спорах представители всех трех направлений антропологического исследования сражались за правильность своих выводов. Эта война мнений особенно разгорелась на [30] почве так называемого арийского вопроса, и только постепенно пришло осознание того факта, что каждая из упомянутых классификаций суть отражение лишь ограниченной группы фактов. Лингвистическая классификация фиксирует исторические судьбы языков и косвенно народов, говорящих на этих языках; соматическая – кровное родство групп народов и таким образом следы другой фазы их истории, в то время как культурная – исторические случаи опять-таки другого характера: диффузию культуры от одного народа к другому и поглощение одной культуры другой. И стало ясно, что предложенные классификации базировались на исторических данных, относящихся к бесписьменной истории рас и народов, фиксируя их родство, смешение крови, языковые изменения и культурное развитие. Попытки же обобщающих классификаций, основанных на каком-то из этих методов, могли отвечать требованиям пригодности только для той группы феноменов, к которой применим данный метод. Поэтому не надо было ожидать и согласованности в их результатах, т.е. существования некоей первоначальной связи между соматическим типом, языком и культурой. Так, исторический взгляд в антропологии получил поддержку в результате борьбы этих трех методов классификации.

24. Раньше мы заметили, что эволюционный метод основывался, в сущности, на наблюдении во всем мире сходства культурных черт. С одной стороны, указанное сходство принималось за доказательство регулярной единообразной эволюции культуры. С другой – считалось, что оно отражает элементарную идею, с необходимостью возникающую в уме человека, которая не может расщепляться или является наиболее ранней из сохранившихся форм человеческой мысли.

25. Элементарные идеи или универсальные черты культуры приобрели выдающееся значение благодаря долгому спору между теорией их независимого происхождения и другой, объясняющей их возникновение как трансмиссию из одной части мира в другую. Эта борьба мнений началась даже раньше, чем появилась современная антропология, еще с соревнования между теорией происхождения и истории мифов Гримма и доказательств Бенфея в отношении их трансмиссии, которые основывались на проведенных им расследованиях в области литературной истории сказок. Спор все еще продолжается. С одной стороны, есть исследователи, которые могут вовсе исключить рассмотрение трансмиссии, отказываясь верить, что это вообще похоже на правду, считая приводимые доказательства неуместными и объясняющими сходство культурных черт психическим единством человечества и единообразной реакцией человеческого разума на сходные стимулы. Экстремистом данного направления был поздний Дэниэл Г. Бринтон. С другой стороны, Фридрих Ратцель, чей недавний уход мы сейчас оплакиваем, решительно склоняется к мнению, что всякое сходство культурных черт должно соотноситься с трансмиссией, независимо от того, насколько значительно расстояние, отделяющее регионы, в которых эти сходные черты най-

дены. В сравнении с двумя данными взглядами, третий, который упомянут раньше и представлен Герландом, а именно, что такие культурные черты есть следы или пережитки самых ранних стадий обобщенно взятой человеческой культуры, находит мало сторонников.

26. [31] Очевидно, что этот фундаментальный вопрос не может быть решен в рамках продолжающейся дискуссии об общих фактах, поскольку различные объяснения логически равно возможны. Он требует подлинного расследования через индивидуальную историю сходных обычаев, чтобы открыть причины их современного распространения.

27. Здесь самое место упомянуть об изучении фольклора, которое в недавние времена возбуждало значительный интерес, и которое должно быть рассмотрено в качестве еще одной ветви антропологического исследования. Начиная с записей курьезных суеверий, обычаев и народных сказок, фольклористика стала наукой обо всех проявлениях народной жизни. Первоначально фольклористы занимались фольклором Европы, и только позже дополнительно материалом, собранным антропологами в чужих странах. Теоретики фольклористики также разделились на два лагеря: приверженцев психологической и исторической теорий. Первые господствуют в Англии, в то время как на континенте, кажется, обретает почву историческая теория. Идентичность содержания фольклора всей Европы, является, скорее всего, установленным фактом. По-видимому, в ряде случаев, возникновение сходных форм, либо – следствие психической обусловленности, либо – пережиток более ранних обычаев и верований. В некоторых случаях оно, кажется, обязано своим происхождением распространению на всем континенте идей, которые, по меньшей мере, частично следуют литературному оригиналу.

28. Однако как в фольклористике, так и в антропологии этот спор может быть разрешен, и ясно, что он должен привести к детальным историческим исследованиям, с помощью которых станет возможным изучение определенных проблем, а это приведет в свою очередь к психологическим исследованиям условий трансмиссии, адаптации и заимствования. Таким образом, спор перенесет нас за пределы, установленные теориями элементарных идей и простой системы эволюции цивилизации.

29. Следующий аспект обсуждаемых здесь теорий заслуживает специального упоминания. Я имею в виду возможность выделения особой «психологии народов» (*Volkerpsychologie*) наряду с индивидуальной психологией. «Психология народов» затрагивает те психические действия, которые по отношению к каждой личности выступают как социальные явления, а психология личности в таком случае должна интерпретироваться с помощью данных социальной психологии, потому что каждая личность может думать, чувствовать и действовать только как член социальной группы, к которой она принадлежит. Именно так с точки зрения социальной психологии рассматривались развитие языка и всех этнических феноменов, при этом особое внимание уделялось бессознательным влияниям, которые правят толпами и массами людей, а также процессам подражания. Среди людей, посвятивших свою энергию данным и близким проблемам, я упоминаю Штайнталя, Вундта, Болдуина, Тарда, Штолля. Несмотря на их усилия и усилия других ученых из числа социологов и географов, отношение «психологии народов» к индивидуальной психологии не разъяснено удовлетворительно.

30. Теперь обратим внимание на недавнюю историю соматологии. Исторический взгляд вызвал глубокие изменения также и в этой ветви [32] антропологии. Эволюция человеческих типов из объекта классификации превратилась в основной объект исследований. Выдвинулись вперед два вопроса: место человека в природе и эволюция человеческих рас и типов. Морфологический и эмбриологический методы, которые до этого развивались биологами, стали применяться к человеческому виду, и новые попытки привели уже к поискам предшественника человека, определения его положения в ряду животных и свидетельств, связанных с направлением, в котором развивается вид. Чтобы охарактеризовать направление этих исследований, необходимо упомянуть хотя бы только Хаксли и Видерсхайма.

31. В одном отношении, однако, изучение человека отличается от изучения видов животных. Я уже утверждал ранее, что небольшие различия между типами, важные для антрополога, привели к подмене словесного или качественного метода метрическим или квантитативным описанием. Изучение воздействия естественного отбора, среды, наследственности, в применении к человеку, сделали необходимой разработку этих методов. Наш интерес к мельчайшим различиям намного сильнее при изучении человека, а не животных или растений, поэтому необходимость в квантитативной точности впервые была осознана именно здесь. Мы обязаны этим Фрэнсису Голтону, метод квантитативного изучения человеческих различий которого получил развитие, а исследования его распространились с анатомии, через физиологию, на экспериментальную психологию. Исследования Голтона были расширены и систематизированы Карлом Пирсоном, благодаря которому метрическое описание, будучи первоначально одним из точных решений биологической проблемы антропологии, получило выход за свои первоначальные границы и стало общим биологическим методом в изучении характеристик и развития различий.

32. Попробуем сейчас суммировать фундаментальные проблемы, которые придают антропологии современный характер. В биологической ветви мы имеем проблемы морфологической эволюции человека и развития разнообразия. Вопрос о корреляции между телосложением и психикой, имеющий как практический, так и теоретический интерес, также неотделим от них. В психологической антропологии важнейшие вопросы суть открытие систем эволюции культуры, изучение модификации простых общих черт под влиянием различных географических и социальных условий, вопросы трансмиссии и спонтанного происхождения и то, что определяет контроверза «психологии народов» versus индивидуальная психология. Ясно, конечно, что это перечисление отнюдь не исчерпывающее, оно включает только некоторые из наиболее важных точек зрения, которые занимают умы исследователей.

33. Работа ученых, занятых собиранием материала, на котором должна быть построена история человечества, испытала глубокое влияние со стороны этих проблем. Тщетно пытаться дать даже наикратчайший обзор того, что было достигнуто скромным собирателем фактов, как его усилия покрывали отдаленнейшие части мира, и как он пробовал раскрыть и интерпретировать наследие, оставленное расами прошлого.

34. [33] Я думаю, будет справедливым сказать, что работа его была направлена в основном на объяснение специальных проблем, интерес к которым он унаследовал главным образом от своей любви к особенному, от пылкой страсти развенчать неизвестность и донести до современности его изображение в ясных чертах. Как бы то ни было, хорошо образованный и по-настоящему обученный наблюдатель теперь уже осознавал общие отношения своей специальной проблемы и испытывал влияние в решении этого специального вопроса со стороны общих теоретических дискуссий своего времени. К сожалению надо признать, что наблюдателей-антропологов, которые обладают достаточным пониманием злободневных проблем, мало. Но в последние двадцать лет число их продолжает значительно возрастать, и, следовательно, можно отметить постоянное усиление достоверности и полноты в соответствующих наблюдениях.

35. Надо упомянуть и об одном или двух аспектах исследовательской работы антрополога-полевика. Завершающий импульс дискуссии, связанной с эволюцией человечества и человеческой культуры, повлек за собой исследования в области доисторической археологии. Две великие проблемы занимают внимание археологов: происхождение и возникновение человеческой расы и историческая последовательность рас и типов культуры. Для археолога важно установить хронологический порядок. Уточнение того геологического периода, во время которого появился человек, хронологическое соотношение самых ранних человеческих типов с их более поздними преемниками, последовательность типов культуры, определяемая по артефактам каждого периода, и приблизительные границы абсолютного времени, к которому относятся эти останки, суть фундаментальные проблемы археологии. С тех пор как идеальная цель

археологии практически стала совпадать с общей проблемой эволюции культуры, решение которой возможно кроется в знании хронологии развития культуры, полученные результаты имеют самое непосредственное отношение к этому общему вопросу. Конечно, во многих случаях хронологический вопрос вовсе не может иметь ответа, и тогда археологические наблюдения просто выстраиваются в ряд с этнологическими наблюдениями примитивных народов.

36. Полевая работа этнологов с разных сторон испытывает на себе влияние теоретических дискуссий антропологов. Нет нужды доказывать тот факт, что метод этнологического исследования становится все более всеохватывающим и исчерпывающим в рассмотрении всего ряда культурных феноменов. Значительно больший интерес представляет тот стимул, который был дан историческому и психологическому наблюдению. С одной стороны, теория трансмиссии побудила исследователей со вниманием относиться к распространению и истории обычаев и верований, чтобы эмпирически выяснить: возникли они вследствие спонтанного развития либо, наоборот, – заимствования или последующей адаптации. С другой стороны, больше внимания стало уделяться психическим условиям, сопутствующим различным типам культуры.

37. Конкретные археологические и этнологические исследования возымели [34] обратный ход и снова в направлении антропологической теории. Великая система эволюции культуры, действительная для всего человечества, теряет многое из того, что делало ее правдоподобной. На месте простой линии эволюции появляется множество сходящихся и расходящихся линий, которые трудно подвести под одну систему. А различия вместо единообразия, кажется, начинают будить воображение. Вместе с тем вроде бы становятся заметными определенные психические факты, которые обещают соединить «психологию народов» с индивидуальной психологией. Мы привыкли наблюдать данные тенденции развития в истории других наук, таких как геология и биология. Блестящим теориям, в рамках которых целый ряд научных проблем оказывается просто и легко объяснимым, там уже предшествовали периоды серьезной эмпирической работы, делающей необходимой полную ревизию первоначальных теорий и через период неопределенности ведущей к более строгой индуктивной атаке всех проблем. Так и с антропологией. Правда, она выросла из периода систематизации позже, чем более старые науки, и только сейчас входит в фазу эмпирической ревизии своих теорий.

38. Наш очерк истории тенденций, превалирующих в антропологии, был бы неполным без нескольких замечаний о людях, которые сделали эту науку тем, чем она теперь является. Сказанное раньше ясно показывает, что едва ли есть еще наука, так варьирующая в своих методах, как антропология. Ее проблемы разрабатывались биологами, лингвистами, географами, психологами, историками и философами. Еще десятилетие назад мы не имели подготовленных антропологов, а ученые приходили в антропологию отовсюду, со стороны всех наук, которые я здесь упомянул, а может быть, и из каких-то других. Для многих это было результатом интереса, вызванного конкретной проблемой, а не теоретическими рассуждениями, которые являются предметом этого курса. Других объединил общий интерес к эволюции человечества. Лучшие среди них постепенно прониклись фундаментальным духом антропологического исследования, который состоял в признании необходимости изучения всех форм человеческой культуры, потому что (только) все это многообразие форм, взятое вместе, может пролить свет на историю ее развития, прошлое и будущее, которые делают даже беднейшее племя, опустившегося преступника и физического вырожденца достойными внимательного изучения, поскольку их духовная жизнь может пролить свет на историю человечества в не меньшей степени, чем это делает их физический облик.

39. Происхождение антропологии из разных источников даже сейчас отражается в множественности ее методов. Историк или политический экономист, который соприкасается с антропологическими проблемами, не может следовать методам биолога и лингвиста. Но и антрополог нашего времени еще не может, как поставщик инфор-

мации, отвечать требованиям всех тех, кто нуждается в антропологических данных. Кажется вполне вероятным, что разносторонность, ожидаемая от антрополога, и будет определять, насколько он состоялся как основательный ученый. Однако до преодоления этой трудности не так далеко. Мы видели, что после применения нового исторического взгляда к гуманитарным наукам стала возникать и изрядная доля новых владений антропологии. Антропологическое знание [35] и впредь будет обязательным для всех тех, кто занимается этой группой проблем. Хотя антропологический взгляд способен, таким образом, заново трактовать предмет старой ветви науки, и помогать ей, развивая новые точки зрения, но помощь, которую предоставляет антропология, не означает покушения на независимость прежней науки, выработавшей за долгую историю свои собственные цели и методы. Энтузиасты-антропологи, осознав стимулирующее влияние нашей точки зрения и великолепие единой всеохватывающей науки о человеке, могут объявить главенство антропологии над более старыми науками, которые, однако, прошли то, где мы еще боремся с методами, и которые выстраивают благородные структуры там, где у нас еще царит хаос, так что общее течение развития указывает на другое направление – сохранение самостоятельности каждой науки, поддерживаемой антропологическими методами, где это возможно. А практика антропологии требует скорее определения и ограничения собственного поля работы, чем постоянного его расширения.

40. Кажется, историческое развитие деятельности антропологов ясно показывает, что последние выбирают для себя такие проблемы, которые не были решены ни одной другой наукой. Это – биологическая история человечества во всем его разнообразии; лингвистика, используемая (при изучении) бесписьменных народов; этнология народов, лишенных исторических записей, и доисторическая археология. Правда, границы этих наук постоянно нарушались, но беспристрастный наблюдатель признает, что во всех других областях требовалось специальное знание, которое не может предоставить общая антропология. Общая проблема эволюции человечества, будучи прежде поставлена исследователем примитивных племен, сейчас разрабатывается изучающим историю цивилизаций. Ее решение можно признать конечной целью антропологии в широком значении этого термина, но мы должны понимать, что достичь этого можно будет только при помощи представителей всех гуманитарных наук и антрополога.

41. Поле изучения, оставшееся у антропологии в более узком смысле, даже в том виде, в котором оно находится сейчас, слишком широко, и есть все основания для того, чтобы его разделить. Биологические, лингвистические и этнолого-археологические методы настолько самостоятельны, что один и тот же человек не сможет одинаково хорошо владеть всеми ими. Стремительно вырисовывается то время, когда биологическая ветвь окончательно отделится от остальной антропологии и станет частью биологии. Это стало, кажется, даже необходимым, поскольку все проблемы, связанные с воздействием географической и социальной среды, а также с наследственностью, преимущественно биологического характера. Эти проблемы могут быть выдвинуты специалистом по общей антропологии. Но решены они будут биологом. Почти настолько же убедительны причины, которые побуждают отделять чисто лингвистическую работу от этнологической. Я думаю, недалеко то время, когда антропология чистая и простая будет только затрагивать обычаи и верования менее цивилизованных людей, тогда как лингвистика и биология продолжат и разовьют работу, которую мы сейчас делаем, потому что никто еще не внял ей. Тем не менее [36], мы все же должны требовать, чтобы антрополог, который проводит полевые исследования, был бы близок принципам этих трех методов, пока все они еще необходимы для исследования его проблем. Ничуть не менее мы должны требовать, чтобы он усвоил общие результаты антропологического метода, применяемого различными науками. Только одно это предаст его работе ту историческую перспективу, которая составляет ее наиболее высокую научную ценность.

42. Последнее слово – о ценности, которой обладает антропологический метод в общей системе нашей культуры и образования. Я не намерен касаться здесь его прак-

тической ценности, что должен делать тот, кто говорит о других расах или национальных вопросах. В числе важнейшего, с точки зрения образования, находится его сила, заставляющая нас увидеть корни, из которых родилась наша цивилизация, и произвести на нас впечатление относительной ценностью всех форм культуры и тем самым послужить для пересмотра преувеличенной ценности взгляда нашего собственного времени, которому мы только и обязаны, рассматривая себя, в виде окончательной цели человеческой эволюции, и таким образом, лишая себя выгод извлечь пользу из учения других культур и препятствуя объективной критике нашей собственной работы.

Перевод с английского И.В. Кузнецова

F. Boas. The History of Anthropology

This is the first publication in Russian of the lecture by the American linguist and anthropologist Franz Boas, read in September 1904 during the World Fair in St. Louis. It appeared in 1904 in «Science» (Vol. XX, № 512).

© 2002 г., ЭО, № 6

И.В. Кузнецов

ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИИ» ФРАНЦА БОАСА

«История антропологии» – не переведенный на русский язык доклад Франца Боаса, прочитанный им в сентябре 1904 г. во время Всемирной выставки в Сент-Луисе. Америка знала несколько подобных выставок, но эта была громче и эффектнее остальных. Выставка проходила с апреля по ноябрь 1904 г. и включала множество празднеств, юбилеев, антисиگارетную кампанию и даже Третьи Олимпийские игры, сразу после которых, т. е. в сентябре, начался Международный конгресс искусств и науки – мероприятие, которое собственно нас и интересует. По замыслу организаторов выставки каждое из направлений науки должны были представлять два пленарных доклада – теоретический и посвященный ее истории. Теоретический доклад по антропологии взялся сделать У.Дж. Мак-Ги, «исторический» достался Францу Боасу.

Было решено продемонстрировать еще одно чудо – работу антропологической секции иллюстрировать живой экспозицией «Антропологическая резервация». «Примитивное население выставки, должно быть, превысило 2000 человек» – сообщалось в официальном отчете¹. В числе «живых экспонатов» были и весьма знаменитые личности, такие как 63-летний вождь нез-перс Джозеф и другой легендарный индейский лидер – 75-летний Джеронимо. Многообразие индейских культур было представлено *in situ*. Например, прославленные информанты Боаса – кваквала Чарльз Науэлл и Боб Харрис ежедневно исполняли перед зрителями «танцы каннибалов» хаматса².

В свое время Сергей Александрович Токарев, рассматривая труды различных ученых, посвященные истории антропологии, не считал нужным уделить внимание этому интереснейшему документу («Оставим в стороне краткие обзорные статьи в журналах, не могущие претендовать на полноту обзора. Таковы, например, статьи: *Boas Fr. The history of anthropology // Science. 1904. Vol. 20. № 512*»)³. Другой историк антропологии Джордж Стопинг называет доклад Боаса «боасовским собственным мифом-историей антропологии» («*Boas' own myth-history of anthropology*»)⁴. Характе-